

УДК 94(420)"1914/19"

**РЕАКЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
НА ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС 1914 ГОДА**

© 2012 г.

Н.В. Юдин

Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова

nicolas.yudin@gmail.com

Поступила в редакцию 28.12.2011

Рассматривается состояние английского общественного мнения во время Июльского кризиса 1914 года. Именно тогда оно превратилось в важный фактор международных отношений. Автор изучает полемику в английской прессе, показывает особенности складывания национального консенсуса в Великобритании по вопросу о войне.

Ключевые слова: Июльский кризис, английское общественное мнение, пресса, нейтралитет Бельгии, национальный консенсус.

В истории изучения Первой мировой войны Июльский кризис, ставший ее прологом, занимает особое место. Уже в первые месяцы конфликта все вовлеченные в него стороны озаботились изданием дипломатических документов, освещающих действия национальных дипломатий в ходе кризиса и, вполне закономерно, призванных продемонстрировать непричастность своего правительства к разжиганию войны. Отвечая общественным запросам и нуждам пропаганды, на базе этих изданий появлялись многочисленные памфлеты и статьи, отличавшиеся явной ангажированностью и политизированностью. Но даже спустя десятилетия, когда в распоряжении ученых находятся полные массивы официальных и неофициальных документов той поры, вопросы о причинах и виновниках войны, равно как и особенности восприятия современниками трагических событий лета 1914 года, продолжают оставаться дискуссионными. Актуальность обращения к подобной проблематике подтверждается все возрастающим интересом к ней со стороны современных, в том числе и российских, историков [1–4].

В рамках данной статьи мы бы хотели остановиться на чрезвычайно сложной и одновременно важной проблеме – реакции общественного мнения Великобритании на европейский кризис лета 1914 года. Обращение к этому сюжету обусловлено несколькими причинами. В рассматриваемый период позиция Англии имела первостепенное значение с точки зрения ослабления или, наоборот, эскалации международной напряженности. И ее партнеры по Антанте и державы Тройственного союза пристально следили за новостями, поступающими из Лондона, всеми силами стремились прояс-

нить для себя намерения Великобритании. Именно во время Июльского кризиса общественное мнение в Англии становится значимым фактором в международных отношениях: в его колебаниях дипломаты и журналисты пытались угадать позицию страны по отношению к европейскому конфликту, на него постоянно ссылаются в своих беседах с иностранными представителями глава Форин Офис сэра Э. Грей.

Цель статьи заключается в том, чтобы изучить размежевания в английском общественном мнении в период Июльского кризиса, аргументацию противников и сторонников вмешательства Англии в европейский конфликт, его влияние на внешнюю политику британского правительства, а также предпосылки складывания национального консенсуса по вопросу о войне.

В тематике исторических исследований, посвященных Июльскому кризису, явное предпочтение долгое время отдавалось дипломатическим аспектам этой проблемы. В многочисленных исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых анализировались телеграммы, которыми обменивались дипломатические ведомства великих держав, показывалось, как час за часом мир неумолимо двигался к катастрофе, как таяли последние надежды на урегулирование или локализацию конфликта [5–8]. На этом фоне проблемы, связанные с состоянием общественного мнения в странах Антанты, в частности в Англии, накануне и в ходе Первой мировой войны, представляются менее разработанными.

В настоящий момент в историографии, как отечественной, так и зарубежной, идут острые споры о содержании самого понятия «общественное мнение» и его применимости к той или

иной эпохе. Они не обошли стороной и историографию Первой мировой войны [9]. На наш взгляд, ключевым моментом в определении термина «общественное мнение» должно быть понимание его как категории исторической, а не универсальной. Его конкретное наполнение может поэтому различаться от эпохи к эпохе, что заставляет исследователя всякий раз давать ему характеристику исходя из исторических реалий изучаемого периода. Употребление этого понятия в контексте истории Первой мировой войны ставит перед учеными целый ряд проблем: выявление носителей и выразителей общественного мнения, путей его формирования и т.д. Но само его применение в исследованиях данного периода оправдано хотя бы потому, что этот термин получил самое широкое распространение в лексиконе политиков и журналистов того времени, являлся неотъемлемой чертой их мировосприятия.

В историографии, посвященной проблемам английского общественного мнения во время Первой мировой войны, особое место занимает вопрос об осведомленности английской общественности о перспективе втягивания своей страны в войну на континенте. Большинство историков сходятся во мнении, что подобный сценарий развития событий представлялся современникам вполне вероятным [6, p. 203; 7, p. 256; 10–12]. На наш взгляд, их выводы представляются обоснованными. Отмечается, что население Англии было морально подготовлено к войне распространением и популяризацией в конце XIX – начале XX в. идей национализма и социал-дарвинизма, через призму которых международные отношения трактовались как борьба наций за выживание, гонкой вооружений, популярной литературой и даже школьными программами [13, 14]. В то же время ряд исследователей придерживаются иной точки зрения. По их мнению, англичане были погружены во внутренние проблемы и не отдавали себе отчета в опасности сложившейся в Европе дипломатической обстановки [15, p. 446; 16, p. 39].

По-новому взглянуть на состояние английского общественного мнения в период Июльского кризиса и его роль в международных отношениях этого периода могут позволить материалы российских архивов. В основу данной статьи был положен анализ документов Архива внешней политики Российской империи, представленных донесениями русского посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа [17], а также обзорами иностранной печати, подготовленными Канцелярией министра иностранных дел [18]. Из их анализа следует, что для русского МИДа английская пресса служила главным,

если не единственным источником информации о состоянии общественного мнения в Англии. Именно поэтому в разгар кризиса донесения русского посла снова и снова возвращаются к характеристике публикаций ведущих газет. Этим же занимается специальный отдел в самом МИДе (Газетная экспедиция), ежедневно составляющий обзоры иностранной печати. Общественное мнение в этом случае предстает как совокупность мнений либеральных и консервативных изданий по той или иной проблеме. О значении, которое придавалось английскому общественному мнению в российском МИДе, говорит количество донесений, посвященных этому сюжету. В период Июльского кризиса оно приобретает значительный вес в качестве фактора международных отношений.

Помимо архивных документов мы обратились к непосредственному изучению материалов прессы, поскольку именно она позиционировала себя в качестве главного рупора настроений английской общественности и воспринималась таковой современниками, в частности дипломатами. В рассматриваемый период наблюдалось четкое размежевание газет и журналов по отношению к возможному участию Англии в войне на континенте. Это разделение проходило по линиям политической ориентации: консервативные средства массовой информации, прежде всего газеты «Таймс» и «Морнинг Пост», выступали за вмешательство в военные действия, в то время как либеральные – «Манчестер гардиан», «Стэндэрд», «Фортнайтли ревью», «Контэмперери ревью», «Экономист» – отстаивали антиинтервенционистский курс.

Поводом к началу Июльского кризиса стало убийство австрийского наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги герцогини Софии Гогенберг 28 июня 1914 г. в боснийском городе Сараево сербским националистом Гаврилой Принципом. На следующий день английские газеты вышли под огромными заголовками, извещавшими об убийстве. Все газеты без исключения признали покушение страшным преступлением [15, p. 446]. Портреты погибших, некрологи, статьи и многочисленные телеграммы заполнили страницы газет [17, Д. 8. 1914 г. Л. 185; 19, 29 June. P. 8; 30 June. P. 9]. Однако, выразив соболезнования австрийскому императору Францу Иосифу, пресса очень скоро занялась обсуждением возможных последствий покушения [18, Д. 587. 1914 г. Л. 402]. В этой связи обеспокоенность вызывали сообщения о росте антисербских настроений в Двуетной монархии и неспособность ее властей пресечь на своей территории погромы сербских кварталов [20].

Впрочем, не следует преувеличивать эту обеспокоенность: как справедливо отмечают некоторые историки, убийства венценосных особ не были чем-то необычным для того времени, публика успела к ним привыкнуть [7, р. 216; 16, р. 40]. Английское общественное мнение, и ранее характеризовавшееся погруженностью во внутренние проблемы, быстро переключилось на куда более близкие темы, прежде всего на назревавший вооруженный конфликт в Ирландии [15, р. 446–450]. Верный признак ослабления международной напряженности газеты усматривали в прибытии 21 июля в Петербург президента Франции Р. Пуанкаре, их логика понятна: существуй угроза кризиса, визит был бы, несомненно, отложен. В этом ключе писала, к примеру, газета «Морнинг пост»: «Пребывание президента Пуанкаре в России не повлечет за собой перемены в политике Двойственного союза и приведет только к его укреплению... Хотя положение в Европе продолжает быть тревожным, но все же войны в ближайшем будущем ожидать нельзя» [18, Д. 588. 1914 г. Л. 72].

Во многом поэтому появившееся в прессе известие об австрийском ультиматуме Сербии от 23-го числа того же месяца произвело в странах Антанты эффект разорвавшейся бомбы [17, Д. 10. 1914 г. Л. 7]. В своем донесении в Петербург русский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф констатировал раскол в английской прессе по отношению к австро-сербскому конфликту. О впечатлении, произведенном ультиматумом в странах Антанты, писала «Таймс». В статье «Угроза Европе» отмечалось, что, по мнению осведомленных английских дипломатов, международная ситуация в тот момент была гораздо более опасной, чем во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. или Балканских войн 1912–1913 годов [19, 25 Jul. P. 9]. Приводилась также точка зрения французских политиков, которые выражали сомнение в возможности локализовать австро-сербский конфликт. Либеральные газеты заняли открыто антисербскую позицию. «Стэндэрд» утверждала, что «сербское правительство должно доказать свою непричастность к сараевскому делу и к великосербской пропаганде... Симпатии Англии на стороне Австрии, которая страдает от сербского упрямства» [18, Д. 588. 1914 г. Л. 77]. В этом же ключе высказывалась газета «Манчестер гардиан» [18, Д. 588. 1914 г. Л. 77].

Вопрос о состоянии, симпатиях и антипатиях английской общественности выходит в этот момент на первый план в тематике донесений А.К. Бенкендорфа, что может свидетельствовать о том, какое значение придавалось этому вопросу в российском МИДе [17, Д. 10. 1914 г.

Л. 7, 10]. 26 июля А.К. Бенкендорф так характеризовал настроения в Англии: «Сегодня «Обсервер» поддержал австрийские требования и осудил сербскую агитацию, однако признал необходимость сохранения Тройственного соглашения. Эта тенденция, очевидно противоречивая, распространяется в общественном мнении. Я не наблюдаю никаких атак на принцип Тройственного соглашения, которое воспринимается как данность. С другой стороны, большинство газет считают, что в данный момент Англия должна ограничиться ролью посредника. Трудно судить об общественном мнении, не опираясь на газеты. Пресса была застигнута врасплох, колеблется, однако воздерживается от прямой критики в адрес твердой позиции России» [17, Д. 378. 1914 г. Л.84].

В этот момент внимание английской прессы было приковано к только что опубликованному ответу Сербии на австрийский ультиматум. Консервативная печать указывала на беспрецедентную уступчивость сербского правительства. «Таймс» писала, что в свете сербского ответа конфликт должен быть решен мирными способами [17, Д. 10. 1914 г. Л. 13]. В то же время газета с тревогой отмечала рост воинственных настроений в Вене и Берлине: «Атмосфера в обеих столицах напоминает ту, что царила в Париже в июле 1870» [19, 27 Jul. P. 9]. «Таймс» подчеркивала, что до тех пор, пока существует надежда на сохранение мира, Англия сделает все возможное для этого, но любая попытка пошатнуть баланс сил в Европе будет пресечена всею мощью Империи, «это то, что наши интересы, наш долг, наша честь требуют от нас. Англия без колебаний ответит на их призыв» [19, 27 Jul. P. 9].

Крайне негативно оценивала политику Австро-Венгрии в отношении Сербии «Морнинг пост» [17, Д. 10. 1914 г. Л. 15]. По мнению этой газеты, если Австро-Венгрия не удовлетворится ответом Сербии и применит силу, то она автоматически станет агрессором, инициатором войны, в которую будут втянуты все великие державы. В этом случае Англия не смогла бы остаться в стороне, и дело не в каких-то международных договорах, а в моральном долге: «Она не может молча смотреть на то, как одна страна провозглашает себя судьей, присяжным и свидетелем в одном лице» [17, Д. 10. 1914 г. Л. 13].

Что касается либеральной прессы, то примирительный ответ Сербии, казалось, никак не поколебал ее позиций. «Стэндэрд» писала, что «конфликт должен быть локализован, так как вина всецело падает на Сербию, которая не согласилась на законные требования Габсбургской монархии» [18, Д. 588. 1914 г. Л. 80]. Еди-

ногласное одобрение всей английской прессы встретило предложение Э. Грея выступить в качестве посредника на конференции министров иностранных дел 4-х «незаинтересованных в конфликте держав – Германии, Франции, Италии и Великобритании», чтобы добиться мирного разрешения австро-сербского спора [15, p. 451].

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, последние надежды на мирное урегулирование конфликта между двумя странами рухнули, началась Первая мировая война. Произошли изменения и в настроениях английской общественности: Ирландский кризис был окончательно вытеснен с первых полос газет, уступив место проблемам европейского мира, общественное мнение начинало проникаться серьезностью нового международного конфликта [17, Д. 378. 1914 г. Л. 166]. С этого момента и вплоть до вступления Англии в войну в прессе шла самая ожесточенная полемика по вопросу о возможности и необходимости военного вмешательства в континентальные проблемы [17, Д. 378. 1914 г. Л. 168]. Консервативная пресса, прежде всего газеты «Таймс» и «Морнинг пост», выступала за принятие Англией самых решительных мер, чтобы поддержать своих союзников [17, Д. 9. 1914 г. Л. 26; 7, p. 223].

В то же время существовала очень сильная оппозиция войне, представленная радикальной прессой. Лидерами антиинтервенционистского и пацифистского движения стали «Манчестер гардиан», «Дейли ньюз», «Ливерпуль пост», «Вестминстер гзет» [21, p. 406; 22]. Противниками участия Англии в европейской войне двигали самые разные мотивы. Среди них были убежденные пацифисты, как, например, известный английский математик и философ Б. Рассел, организовавший сбор подписей под антивоенным обращением, опубликованным затем в «Манчестер гардиан» [23, p. 3]. Именно эта газета занимала наиболее последовательную позицию в критике внешней политики своего правительства. По ее мнению, призывы к вооруженным действиям противоречили этосу времени, либерализму, идеалом которого являлась гармония в отношениях между государствами, основанная на социальном прогрессе и процветающей торговле. В то же время не следует забывать, что английские радикалы традиционно занимали открыто антирусские позиции. По их мнению, Российская империя представляла для европейской цивилизации большую угрозу, нежели германский милитаризм. Они указывали на более прогрессивный политический строй Австро-Венгрии в сравнении с Россией, на генетическое родство английской и немецкой культуры [24, p. 127–128]. Для них

сама идея вступления Англии в войну на стороне России выглядела неприемлемой.

К тому же в общественном мнении новый международный кризис представлялся как сугубо австро-сербский, в лучшем случае австро-славянский конфликт, не имеющий никакого прямого отношения к английским интересам [17, Д. 378. 1914 г. Л. 281; Д. 9. 1914 г. Л. 43]. А.К. Бенкендорф отмечал в своих донесениях, что общественность не поддержит втягивания страны в войну из-за чуждого ей конфликта [17, Д. 378. 1914 г. Л. 168]. Впрочем, в телеграмме от 31 июля он подчеркивал, что положение вещей меняется так быстро, что делать какие-либо прогнозы относительно позиции Англии слишком рано [17, Д. 378. 1914 г. Л. 246].

Именно тогда на заседании английского Кабинета министров был впервые поставлен вопрос о нейтралитете Бельгии [25, p. 10]. Доминирующим настроением в Кабинете были отчаянное нежелание предпринимать какие бы то ни было действия и давать какие бы то ни было гарантии, тянуть время и следить за развитием событий [20, p. 197].

1 августа последовало объявление войны Германией России, что означало неизбежное вовлечение в войну и Франции. Английскому правительству теперь было необходимо окончательно определить, по крайней мере для себя, отношение к положению дел в Европе. Этого настоятельно добивались и партнеры по Антанте и страны Тройственного союза. Нельзя было дальше тянуть и с формулированием своей позиции по отношению к Бельгии, так как в случае франко-германской войны ее нейтралитет оказывался под угрозой. 2 августа Кабинет постановил, что нарушение прав Бельгии будет представлять для Англии *casus belli* [25, p. 10]. Утром 2 августа, когда принимались эти решения, Кабинет находился на грани раскола [8, p. 206]. В этом отношении как нельзя кстати пришлось письмо от лидеров консервативной оппозиции, одобряющее любые действия правительства, направленные на поддержку России и Франции.

Моментом истины для Э. Грея и сторонников вмешательства в континентальную войну стало выступление министра иностранных дел перед обеими палатами Парламента 3 августа 1914 г. Сама речь, и по воспоминаниям сотрудников Э. Грея и по мнению последующих исследователей, была совершенно невнятной и тусклой и едва ли была подготовлена заранее [7, p. 238]. Тем не менее она имела оглушительный успех. В начале выступления глава Форин Офис, словно зондируя настроения Палат, обратился к поэтапному изложению истории англо-

французских отношений в последние годы. Он подчеркивал, что Англия не связана абсолютно никакими формальными обязательствами и с этой точки зрения может оставаться нейтральной. В то же время Э. Грей старался внушить членам Парламента, что этого делать не стоит, так как речь шла не о судьбе Франции, а о коренных интересах самой Англии, ее безопасности, ее торговли. Только под самый конец своей речи он «вспомнил» о проблеме Бельгии. Именно в вопросе о защите нейтралитета этой страны, по его мнению, крылись моральные обязательства Англии, именно за ним стояла честь и гордость страны. Эта последняя мысль обеспечила Э. Грею единодушную поддержку обеих Палат [7, р. 238].

Угроза нейтралитету Бельгии со стороны Германии стала настоящим подарком для сторонников вступления в войну в их борьбе за симпатии общественности и парламентариев. Еще 2 августа на Трафальгарской площади в Лондоне собирались многотысячные демонстрации пацифистов и антимилитаристов, а уже 3-го числа, когда в обществе осознали реальность угрозы Бельгии, от этих демонстраций не осталось и следа [17, Д. 9. 1914 г. Л. 63; 26]. Когда в тот же день министры направлялись в Парламент, чтобы послушать речь Э. Грея, на улицах их окружали восторженные толпы [24, р. 25] – было ясно, что война популярна. Б. Рассел, непреклонный противник милитаризма, вспоминал, что люди вокруг были в восторге от перспективы войны [23, р. 5].

Именно защита Бельгии дала столь необходимое для либерального общественного мнения моральное оправдание войны [27, р. 22]. Отражением резкой перемены общественных настроений стали различные либеральные издания. Журнал «Экономист», который на протяжении описываемого периода занимал негативную по отношению к участию Англии в войне позицию, скрепя сердце признавал, что «если и есть какая-то причина, ради которой можно пожертвовать благосостоянием английского народа, ради которой надо отказаться от политики невмешательства в европейские дела, проводимой Англией со времен Крымской войны, то пусть этой причиной будет защита прав маленького государства» [28, 1914, 8 Aug. P. 271]. К 5 августа из всех либеральных газет только «Манчестер гардиан» продолжала выступать против войны [17, Д. 9. 1914 г. Л. 86]. Таким образом, когда 4 августа английское правительство отправило в Берлин ультиматум с требованием вывести немецкие войска из Бельгии, оно опиралось на практически единодушную поддержку общественного мнения внутри страны.

Причину произошедшей в английском общественном мнении «революции», по выражению английского историка А.Дж.П. Тэйлора [24, р. 129], следует искать в универсальности идеи защиты Бельгии. Члены правительства и парламента понимали, что нарушение ее нейтралитета наносит непосредственный удар по безопасности Англии: в силу географического положения этой страны переход контроля над ней какой-либо великой державе представлялся недопустимым. Одновременно вторжение германской армии в Бельгию означало неизбежное перерастание конфликта из исключительно русско-немецкого в одновременно и немецко-французский. Война на стороне Франции не встречала уже столь резкого неприятия в среде радикалов, как война на стороне России. Для либералов главными были легалистские соображения: Англия всегда рассматривалась ими как гарант международного права, а нарушение бельгийского нейтралитета было открытым попранием Лондонского договора 1839 года. Однако не легалистское объяснение необходимости защиты Бельгии повлекло за собой подлинный переворот в общественных настроениях. Гораздо важнее была эмоциональная составляющая этой идеи. Мотив защиты маленькой, слабой страны от вооруженной агрессии обладал, как оказалось, просто колоссальной притягательностью. Именно он стал в первые дни войны едва ли не важнейшим элементом в складывании национального консенсуса в Великобритании. Он давал моральное оправдание вмешательству в континентальную войну, открывая возможность для представления ее в образах крестового похода в защиту цивилизации и права, борьбы добра со злом. Все это активно эксплуатировалось английской пропагандой во время войны, составляя важный элемент в формировании образа врага.

Изучение реакции английского общества на события Июльского кризиса, предпринятое в этой статье, позволило нам прийти к ряду выводов относительно состояния общественного мнения в Англии в начале Первой мировой войны, его влияния на внешнеполитический курс английского правительства и элементов, послуживших основой для патриотического подъема, захлестнувшего страну в первые месяцы войны.

Главный вопрос, который встает перед исследователем общественных настроений в Англии в рассматриваемый период, это вопрос об их влиянии на внешнюю политику страны. Он напрашивается уже при самом первом ознакомлении с официальными документами, материалами средств массовой информации и воспомин-

нениями современников. Во всех перечисленных источниках постоянно указывается на исключительное значение общественной поддержки того или иного правительственного решения. Э. Грей в беседах с русским послом подчеркивал невозможность принятия каких бы то ни было решений, направленных на вовлечение Великобритании в войну, без одобрения подобной политики английской общественностью [17, Д. 378. 1914. Л. 284]. Насколько можно судить по имеющимся документам, А.К. Бенкендорф не считал подобные заявления пустыми отговорками, а, наоборот, призывал свое правительство принимать их с полной серьезностью [17, Д. 9. 1914. Л. 43]. Следовательно, английское общественное мнение в период Июльского кризиса воспринималось и в самой Англии и в иностранных дипломатических кругах как важный фактор в принятии политических решений.

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что у власти в Англии в тот момент находился либеральный Кабинет. А именно либеральные газеты до последнего момента самым решительным образом выступали против любого вооруженного вмешательства Англии в дела на континенте. Мы никогда не узнаем наверняка, насколько антивоенные статьи в либеральной прессе отражали мнение ее читателей, но факт остается фактом: и парламентарии и министры должны были считаться со столь однозначной антивоенной позицией. Размежевание в обществе проецировалось на расстановку сил в Парламенте, где также существовала достаточно многочисленная оппозиция курсу на вовлечение страны в войну [21, р. 406]. Наконец, в самом Кабинете многие министры грозились уйти в отставку в случае отхода от политики невмешательства. Если Э. Грей и Г. Асквит сами и были убеждены в неизбежности участия Англии в войне, то они никогда не могли бы решиться на такой шаг перед угрозой правительственного раскола. Поэтому перед ними со всей очевидностью вставала задача заручиться поддержкой сначала Кабинета министров, а затем уже Парламента и страны в целом.

Нельзя также забывать об интенсивности кризиса. Скорость, с которой мир двигался к войне, ошеломляла даже дипломатов, хорошо осведомленных о характере международных противоречий, что уж говорить об обывателях, еще пару дней назад поглощенных внутривнутриполитическими проблемами. Как показала практика, аргументация противников войны не оставила глубокого следа в умах современников, она была сметена буквально в один день нарушением Германией нейтралитета Бельгии. Но равно

оказалась безуспешной и пропаганда сторонников войны: во время Июльского кризиса их рассуждения о союзническом долге, о национальных интересах, о балансе сил не могли сломить либеральной оппозиции, у которой на все эти положения находились свои контраргументы.

Все это привело к тому, что английское общественное мнение выступило в качестве достаточно независимого фактора, повлиять на который могли лишь такие доводы, которые отвечали бы настроениям самых широких слоев населения. В условиях Июльского кризиса ими стали идеи защиты прав маленьких государств. Они позволили перевести полемику вокруг вопроса о войне в область нравственного выбора, что было в полной мере использовано впоследствии пропагандой и послужило основой для складывания в Великобритании национального консенсуса и подъема патриотических чувств в начале Первой мировой войны.

Список литературы

1. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М.: Наука, 1994.
2. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.
3. Кострикова Е.Г. Российский МИД в борьбе за европейское общественное мнение в годы Первой мировой войны // Россия в XIX–XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 2002.
4. Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Науч. рук. В.А. Золотарев, отв. ред. С.Ю. Листиков. М.: Наука, 2008.
5. Полетика Н.П. Возникновение первой мировой войны (Июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964.
6. Lafore L. The Long Fuse. L.: Nicolson, 1965.
7. Steiner Z.S. Britain and the Origins of the First World War. Basingstoke: Macmillan, 1977.
8. Nomikos E.V., North R.C. International Crisis. L.: McGill-Queen's univ. press, 1976.
9. Laborie P. Opinion publique // Historiographies. Concepts et débats. P., 2011.
10. Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda During the First World War, 1914-1918. L.: Macmillan, 1982. P. 11.
11. Stevenson J. British Society. 1914-1945. L.: Lane, 1984. P. 48.
12. Marwick A. The Deluge. British Society and the First World War. N.Y.: Palgrave, 2006. P. 69.
13. Joll J. The Origins of the First World War. N.Y.: Longman, 1984. P. 184.
14. Whyte I.B. Anglo-German Conflict in Popular Fiction. 1870–1914 // The First World War as a Clash of Cultures. Rochester: Camden House, 2006. P. 43–52.

15. Hale O.J. *Publicity and Diplomacy. With Special Reference to England and Germany. 1890–1914.* N.Y.: Appleton-century co., 1940.
16. Keiger J.F.V. Britain's «Union Sacrée» in 1914 // *Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918.* P., 1990.
17. Архив внешней политики Российской империи [Далее – АВПРИ]. Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 470. Д. 8, 9, 10, 378. 1914 г.
18. АВПРИ. Ф. 139. 2-я (газетная) экспедиция Канцелярии МИД России. Оп. 476. Д. 587, 588. 1914 г.
19. *The Times.* L., 1914.
20. Grey E. *Twenty five years. 1892–1916. Vol. 2.* L.: Stoughton, 1935. P. 153–154.
21. Ekstein M. G, Steiner Z.S. *The Sarajevo Crisis // British Foreign Policy Under Sir Edward Grey.* Cambridge, 1977.
22. Lasswell H.D. *Propaganda Technique in the World War.* L., 1927. P. 48.
23. Russell B. *The Autobiography of Bertrand Russell. 1914-1944.* Toronto: An Atlantic Mouthly Press Book, 1968.
24. Taylor A.J.P. *The Trouble Makers.* L.: Hamish Hamilton, 1957.
25. Asquith H.H. *Memoires and Reflections. 1852–1927. Vol. 2.* Boston: Little, Brown, 1928.
26. Medlicott W.N. *Contemporary England. 1914–1964.* N.Y.: McKay, 1967. P. 12.
27. Haste C. *Keep the Home Fires Burning. Propaganda in the First World War.* L.: Lane, 1977.
28. *The Economist.* L., Vol. 79. 1914.

THE REACTION OF ENGLISH PUBLIC OPINION TO THE JULY CRISIS OF 1914

N.V. Yudin

This article deals with the analysis of the state of English public opinion during the July crisis of 1914. Just at that time it became an important factor in international relations. The author highlights polemics in the English press and shows some peculiarities of the national consensus over the war.

Keywords: July crisis, English public opinion, press, neutrality of Belgium, national consensus.